



САКИ

*Омлет
по-византийски*

АЛБУКА-КЛАСИКА

Саки

Козел в огороде

Серия «Хроники Кловиса», книга 11

OCR Busya<http://lib.aldebaran.ru/>

Саки «Омлет по-византийски»: Азбука-классика; Спб.; 2005

Аннотация

Вниманию читателей предлагается сборник рассказов английского писателя Гектора Хью Манро (1870), более известного под псевдонимом Саки (который на фарси означает «виночерпий», «кравчий» и, по-видимому, заимствован из поэзии Омара Хайяма). Эдвардианская Англия, в которой выпало жить автору, предстает на страницах его прозы в оболочке неуловимо тонкого юмора, то и дело приоткрывающего гротескные, абсурдные, порой даже мистические стороны внешне обыденного и благополучного бытия. Родившийся в Бирме и погибший во время Первой мировой войны во Франции, писатель испытывал особую любовь к России, в которой прожил около трех лет и которая стала местом действия многих его произведений.

Содержание

Саки

Козел в огороде

Баронесса и Кловис сидели в оживленном уголке Гайд-парка и обменивались секретами из жизни шествовавших мимо них непрерывной чередой прохожих.

– Кто эти мрачные женщины, которые только что прошли мимо нас? – спросила баронесса. – У них такой вид, будто они покорились судьбе и не совсем уверены, замечено ли это последней.

– Это, – отвечал Кловис, – Бримли-Боумфилдзы. Думаю, и у вас был бы такой же мрачный вид, доведись вам пережить подобное.

– Все мои переживания неизменно делают меня мрачной, – заявила баронесса, – но внешне я этого никак не выказываю. Это все равно что выглядеть на столько лет, сколько тебе на самом деле. Расскажите мне о Бримли-Боумфилдзах.

– Что ж, извольте, – сказал Кловис. – Их трагедия началась с того, что они нашли тетушку. То есть тетушка у них всегда была, но они почти совсем забыли о ее существовании, покуда один дальний родственник не освежил их память, весьма отчетливо вспомнив о ней в своем завещании. Просто удивительно, какие чудеса может творить сила примера. Тетушка, которая дотоле была ненавязчиво бедной, сделалась приятно бо-

гатай, и Бримли-Боумфилдзы вдруг озаботились тем, что она ведет одинокую жизнь, и решили, объединившись, взять ее под свое крылышко. К тому времени над ней было столько крылышек, сколько у одного из тех чудовищ в Апокалипсисе.

– Пока я что-то не вижу никакой трагедии, если взглянуть на все это с точки зрения Бримли-Боумфилдзов.

– А мы до нее еще не дошли, – сказал Кловис. – Тетушка привыкла вести весьма скромный образ жизни, и племянницы не очень-то поощряли ее к тому, чтобы она разбрасывалась своими деньгами. Хорошая их часть досталась бы им после ее смерти, а она уже была довольной пожилой женщиной. Однако одно обстоятельство бросало тень на удовлетворение, какое они испытывали, обнаружив и заполучив эту столь желанную тетущку: она открыто заявляла, что изрядная доля небольшого состояния перейдет к ее племяннику по другой линии. Как это ни прискорбно, но то был весьма дрянной тип, неисправимый мастер спускать деньги. Однако по отношению к тетущке в не сохранившиеся в памяти времена он вел себя более или менее прилично, поэтому она и слышать не хотела, когда о нем отзывались плохо. Во всяком случае, она не обращала никакого внимания на то, что ей говорили, хотя племянницы заботились о том, чтобы с этой стороны она узнала о нем как можно больше. Так жаль, говори-

ли они между собой, что порядочная сумма может попасть в такие ненадежные руки. Они обыкновенно говорили о тетушкиных деньгах как о «порядочной сумме», будто тетушки других людей в основном имеют дело с мелкими фальшивыми монетами.

После известных скачек в Дерби, Сент-Леджере и прочих местах они не отказывали себе в удовольствии вволю посудачить о том, сколько денег извел Роджер на неудачные ставки.

– Он, должно быть, тратит огромные деньги на дорогу, – сказала как-то старшая Бримли-Боумфилдз. – Говорят, не пропускает ни одних скачек в Англии, не говоря уже о тех, что проходят за границей. Не удивлюсь, если он отправится в Индию, чтобы сыграть на тотализаторе в Калькутте, о котором столько говорят.

– Путешествие расширяет кругозор, моя дорогая Кристина, – сказала тетушка.

– Да, дорогая тетушка, если это путешествие предпринято с благими целями, – согласилась Кристина. – Но если это просто способ принять участие в игре на деньги и пожить на широкую ногу, то это скорее сужает финансовые возможности, нежели расширяет кругозор. Пока Роджеру это доставляет удовольствие, полагаю, он и не думает о том, как скоро и бессмысленно кончатся деньги или где он сможет раздобыть их еще. Жалко просто, вот и все.

Тетушка меж тем переменяла разговор, и сомни-

тельно, что морализирование Кристины было выслушано хоть с каким-то вниманием. Однако ее, то есть тетушкино, замечание относительно того, что путешествие расширяет кругозор, и подало младшей из Брилли-Боумфилдзов замечательную мысль изобличить Роджера.

– Вот если б можно было тетушку куда-нибудь отвезти, чтобы она увидела, с каким азартом он играет и как швыряется деньгами, – сказала она, – то это на все открыло бы ей глаза и она бы сама увидела, что это за человек. Это гораздо убедительнее, чем все наши разговоры.

– Наша дорогая Вероника, – отвечали ей сестры, – но не можем же мы ездить за ним на скачки.

– А мы и не поедem на скачки, – сказала Вероника, – мы могли бы поехать туда, где можно смотреть, как играют, и не принимать в игре участия.

– Ты имеешь в виду Монте-Карло? – спросили они, начиная понимать, к чему она клонит.

– Монте-Карло далеко, и у него дурная слава, – сказала Вероника, – мне бы не хотелось говорить своим друзьям, что мы едем в Монте-Карло. Но мне кажется, что именно в это время года Роджер обычно ездит в Дьепп. Там бывают и некоторые весьма достойные англичане, да и поездка обойдется недорого. Если тетушка сможет перенести переезд через Ла-Манш, то перемена обстановки пойдет ей на пользу.

Вот такая роковая мысль родилась у Бримли-Боумфилдзов.

Как они впоследствии вспоминали, злой рок стал преследовать их с момента отъезда. Начать с того, что все Бримли-Боумфилдзы чувствовали себя крайне прескверно во время переезда, тогда как тетушка наслаждалась морским воздухом и перезнакомилась со всякого рода оригинальными попутчиками. Затем, хотя прошло уже немало лет с той поры, как она бывала на материке, она многому их там научила в качестве оплаченного чичероне, а разговорный французский она знала настолько лучше, что это ставило их в тупик. Невероятно трудно удерживать, даже объединенными усилиями, под своим крылышком человека, который знает, чего хочет, и может потребовать этого, а потом наблюдать, как он добивается своего. Что же до Роджера, они и тут потерпели неудачу, выбрав Дьепп. Как выяснилось, он остановился в Пурвилле, небольшом морском курорте милях в двух к западу. Бримли-Боумфилдзы нашли Дьепп запруженным легкомысленными личностями и убедили старую женщину перебраться в Пурвилль, относительно более уединенное местечко.

– Там вам будет не скучно, – пытались они убедить ее. – При гостинице есть небольшое казино, и вы сможете наблюдать за тем, как там танцуют и швыряются деньгами игроки в *petit chevaux*.

Это было как раз перед тем, как на смену *petit chevaux* пришел *boule*.¹

Роджер жил в другой гостинице. Пообедали они довольно рано и в тот же вечер забрели в казино и склонились над столами. Там уже находился Берти ван Тан. Это он мне потом обо всем рассказал. Бримли-Боумфилдзы украдкой поглядывали на дверь, словно ожидая, что кто-то вот-вот зайдет, а тетушка меж тем все более оживлялась и с увлечением наблюдала за тем, как маленькие лошадки крутились и крутились на столе.

– Знаете, бедная восьмерка не выигрывала уже тридцать две минуты, – сказала она Кристине. – Я считала. Поставлю-ка я на нее пять франков, чтобы она о себе напомнила.

– Пойдемте-ка лучше и посмотрим на танцующих, – нервно проговорила Кристина.

В их планы никак не входило, чтобы Роджер застал старую женщину за тем, как она ловит удачу в *petit chevaux*.

– Погодите, я только на восьмерку поставлю, – настаивала тетушка, и спустя минуту ее деньги лежали на столе.

Лошадки закружились. На сей раз они скакали медленно, и восьмерка приползла к финишу, точно хи-

¹ Названия игр.

трый дьявол, и выставила свой нос впереди номера три, который, как до этого казалось, легко выигрывает. Потребовалось произвести уточнение, и номер три был объявлен победителем. Тетушка выиграла тридцать пять франков. После этого Бримли-Боумфилдзам нужно было бы объединить усилия и оторвать ее от стола. Когда на сцене появился Роджер, ее прибыль составляла пятьдесят два франка. Племянницы с потерянными лицами забились в угол, точно утята, которые только что вылупились из яиц и теперь с отчаянием наблюдают за тем, как их родительница развлекается весьма опасным, не свойственным уткам образом. Ужин, который по настоянию Роджера был устроен в тот же вечер в честь тетушки и трех мисс Боумфилдз, был отмечен несдержанной веселостью со стороны игроков и похоронной натянутостью, отличавшей прочих гостей.

– Не думаю, – доверительно говорила потом Кристина своей приятельнице, которая с той же доверительностью передала ее слова Берти ван Тану, – что еще когда-нибудь притронусь к *pate de fois gras*.² Он мне непременно напомнит о том ужасном вечере.

В продолжение следующих двух или трех дней племянницы обдумывали планы возвращения в Англию или переезда на какой-нибудь другой курорт, где не бы-

² Паштет из гусяной печени (*фр.*).

ло казино. Тетушка же была занята тем, что разрабатывала свою систему выигрыша в *petit chevaux*. Номер восемь, ее первая любовь, в последнее время весьма нелюбезно обходился с ней, а серия попыток поставить на номер пять закончилась и того хуже.

– Знаете, я сегодня за столом семьсот франков спустила, – бодрым голосом объявила она за обедом на четвертый день после приезда.

– Тетушка! Это же двадцать восемь фунтов! А вы ведь и вчера проиграли.

– О, я все отыграю, – оптимистически воскликнула она, – но не здесь! Эти глупые маленькие лошадки никуда не годятся. Поеду-ка я куда-нибудь в другое место, где можно спокойно поиграть в рулетку. Не стоит вам так тревожиться. Я всегда чувствовала, что, будь у меня возможность, я бы сделалась заядлым игроком, и вот вы, мои дорогие, предоставили мне эту возможность. Я должна за вас выпить. Официант, бутылочку *Pontet Canet*. Ага, на карте вин оно идет под номером семь. Поставлю-ка я на семерку. Она сегодня днем четыре раза подряд выигрывала, пока я ставила на эту бестолковую пятерку.

Номер семь в тот вечер был не расположен выигрывать. Бримли-Боумфилдзы, устав наблюдать со стороны за тем, как совершается трагедия, подошли поближе к столу, возле которого их тетушку теперь почитали за почетного завсегдатая. С унылыми лицами они

стали смотреть за тем, как поочередно выигрывали номера один и пять, восемь и четыре, уносившие «порядочную сумму» из кошелька игрока, упорно ставившего на семерку. К концу дня потери составили что-то около двух тысяч франков.

– Вы неисправимые игроки, – с шутливой укоризной заметил Роджер, застав их возле стола.

– А мы не играем, – похолодев, сказала Кристина. – Мы только смотрим.

– Мне так не кажется, – понимающе заявил Роджер. – Разумеется, вы действуете сообща, и тетушка делает ставки за вас всех. Сразу видно, что вы играете, по тому, как вы меняетесь в лице, если выигрывает не та лошадка.

В тот вечер тетушка ужинала вдвоем с племянником, вернее, она собиралась ужинать с ним вдвоем, если бы к ним не присоединился Берти. Всех Бримли-Боумфилдзов сразила головная боль.

На следующий день тетушка потащила их всех в Дьепп и с радостью приступила к осуществлению задачи отыграть кое-что из проигранного. Дела ее шли с переменным успехом. Точнее, были у нее и полосы удач, которых вполне было достаточно, чтобы новое увлечение полностью захватило ее. Однако чаще она проигрывала. В тот день, когда она продала акции аргентинских железных дорог, со всеми Бримли-Боумфилдзами разом приключился нервный припадок. «Ничто

не вернет нам этих денег», – со скорбным видом говорили они друг дружке.

В конце концов Вероника, не выдержав, отправилась домой. Видите ли, это ведь была ее мысль отправить тетушку в злополучную экспедицию, и, хотя открыто ей никто об этом не напоминал, в глазах своих сестер она ловила такой укоризненный взгляд, который труднее было выдержать, чем прямой упрек. Две другие остались, чтобы покорно нести свою службу, оберегая тетушку до тех пор, куда завершение сезона в Дьеппе не принудит ее в конце концов направить стопы к дому и покою. Они пришли в ужас, подсчитав, насколько «порядочная сумма», при благоприятном стечении обстоятельств, может быть спущена за это время. Тут, однако, в своих подсчетах они сильно ошибались. С окончанием сезона в Дьеппе тетушкины мысли направились на поиски какого-нибудь другого уютного курорта с казино. «Пусти козла в огород...» – не помню, имеет ли поговорка продолжение, но она вполне применима к той ситуации, в которой оказалась тетушка Бримли-Боумфилдзов. Ее познакомили с неизведанными дотоле удовольствиями, они ей пришлись по душе, и она не спешила отказываться от новоприобретенных знаний. Видите ли, старуха впервые в жизни отлично проводила время. Она проигрывала деньги, однако процесс этот доставлял ей массу удовольствий и треволений; и у нее кое-что оставалось,

чтобы жить безбедно. Она ведь только теперь училась тому, как доставлять себе радость. Она была рада гостям, и товарищи по игре с готовностью приглашали ее отобедать или отужинать, когда удача была на их стороне. Ее племянницы, по-прежнему остававшиеся при ней с трогательным нежеланием команды покидать тонущее судно, которое еще можно отвести в порт, находили мало удовольствия в этих богемных развлечениях. Зрелище того, как «порядочная сумма» расточается на то, чтобы развлечь круг ничего из себя не представляющих знакомых, которые в общественном отношении вряд ли могут быть чем-то полезны, не настраивало их на веселый лад. Они изобретали всевозможные причины, лишь бы только не принимать участия в тетушкиных развлечениях, вызывавших у них скорбные чувства. Головные боли Бримли-Боумфилдзов сделались знаменитыми.

И однажды племянницы пришли к заключению, что, как они выразились, «благой цели не достичь», находясь неотступно при родственнице, которая столь далеко зашла в освобождении из-под покровительственной опеки, обеспеченной посредством их крылышек. Тетушка выслушала объявление об их отъезде с радостью, показавшейся им чуть ли не неприличной.

– Отправляйтесь-ка и правда домой и побеседуйте с каким-нибудь специалистом насчет ваших головных болей, давно пора, – так она прокомментировала си-

туацию.

Возвращение Бримли-Боумфилдзов домой было похоже на настоящее отступление из Москвы, однако что прибавляло к этому горечи, так это то, что Москва в данном случае не была охвачена огнем пожарищ, а, пожалуй, была даже чересчур празднично освещена.

От общих друзей и знакомых они иногда получали кое-какие сведения насчет своей блудной родственницы, обратившейся в убежденного маньяка и живущей на вспомоществование, ссужаемое услужливыми ростовщиками для ее надобностей.

– Поэтому не стоит удивляться тому, – заключил Кловис, – что и на людях они выглядят мрачно.

– А кто из них Вероника? – спросила баронесса.

– Самая мрачная из трех, – сказал Кловис.